

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

ДИСКУССИЯ «ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ В XXI СТОЛЕТИИ»

Редакция открывает дискуссию «Предмет психологии в XXI столетии»:
обращение к авторам и читателям

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.20323/1813-145X-2022-3-126-89-104

EDN: IMTJKW

Научная психология в поисках своего предмета

Владимир Александрович Мазиллов

Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

v.mazilov@yspu.org, <https://orcid.org/0000-0003-0646-6461>

Аннотация. Редакция журнала «Ярославский педагогический вестник» объявила об открытии дискуссии по проблеме «предмет психологии». Решение редакции начать дискуссию по проблеме предмета очень своевременно, особенно если учесть, что в психологии сейчас дела обстоят не лучшим образом. В статье указываются основные признаки методологического неблагополучия (падение престижа научной психологии; продолжающийся методологический кризис; угроза исчезновения психологии как фундаментальной науки и замена ее «конгломератом наук о человеке»; кризис репликации); делается вывод о том, что причиной указанных негативных явлений в психологической науке является недостаточное внимание к проблеме предмета психологии.

Проблема предмета — центральная методологическая проблема психологии, поскольку тот или иной выбор предмета, по сути, представляет собой ключевое самоопределение психологической науки. Упрощенное представление о последовательной смене трактовок предмета не описывает реально происходящих в психологической науке процессов. При проведении дискуссии полезно учитывать как общее современное состояние психологии, так и наработки методологии психологии по проблеме предмета психологической науки. Поскольку настоящая статья открывает дискуссию, утверждается, что при ее проведении полезно максимально точно указывать контекст, выражающий позицию того или иного автора. В статье указываются варианты использования конструкта «предмет психологии», что может оказаться полезным при проведении дискуссии.

Неудовлетворительное состояние проблемы предмета психологии имеет различные причины. Одна из них в том, что перманентный методологический кризис, который продолжается уже около полутора сотен лет, связан с неадекватной стратегией определения предмета психологии. Эта стратегия впервые была применена В. Вундтом для выделения физиологической психологии как научной психологической дисциплины. Суть стратегии в том, что предмет для удобства в плане его обоснования выбирается узкоаналитически. Утверждается, что в современной психологии необходим другой подход — рассматривать нужно совокупный предмет. Другая важнейшая причина, по мысли автора, состоит в том, что современная психология по-прежнему недооценивает роль методологии. Предмет науки — центральное понятие в структуре методологии, поэтому конструкт «предмет» должен выполнять определенные функции и отвечать определенным требованиям. В связи с этим утверждением совершенно ясно, что далеко не любое широкое понятие может конструктивно выполнить роль предмета психологии. На примере категории сознания показано, почему сознание не стоит использовать в качестве предмета. В статье предложена трактовка в качестве предмета психологии внутреннего мира человека.

Ключевые слова: психология; наука; предмет психологии; методология психологии; сознание; внутренний мир

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07156

Для цитирования: Мазиллов В. А. Научная психология в поисках своего предмета // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 3 (126). С. 89-104. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2022-3-126-89-104>. <https://elibrary.ru/imtjkw>

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, PSYCHOLOGY HISTORY

DISCUSSION «SUBJECT OF PSYCHOLOGY IN THE 21ST CENTURY»

Original article

Scientific psychology in search of its subject

Vladimir Aleksandrovich Mazilov

Doctor of psychological sciences, professor, head of department of general and social psychology, FSBEI HE «Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1. v.mazilov@yspu.org, <https://orcid.org/0000-0003-0646-6461>

Abstract. The editors of the journal «Yaroslavl Pedagogical Bulletin» announced the opening of a discussion on the subject of psychology. The decision of the editors to start a discussion on the problem of the subject is in time, especially considering that things are not in the best way in psychology now. The article points out the main signs of methodological trouble (the decline in the prestige of scientific psychology; the ongoing methodological crisis; the threat of the disappearance of psychology as a fundamental science and its replacement by «a conglomerate of human sciences»; the replication crisis), it is concluded that the cause of all these negative phenomena in the psychological science is insufficient attention to the problem of the subject of psychology. The problem of the subject is the central methodological problem of psychology, since this or that choice of the subject, in fact, represents the key self-determination of psychological science. A simplified idea of a successive change in the interpretation of a subject does not describe the actual processes taking place in psychological science. When conducting a discussion, it is useful to take into account both the general current state of psychology and the developments in the methodology of psychology on the problem of the subject of psychological science. Since this article opens the discussion, it is argued that when conducting it, it is useful to indicate as accurately as possible the context expressing the position of one or another author. The article indicates options for using the construct «subject of psychology», which may be useful during the discussion. The unsatisfactory state of the problem of the subject of psychology has various reasons. One of them is that the permanent methodological crisis, which has been going on for about a hundred and fifty years, is associated with an inadequate strategy for defining the subject of psychology. This strategy was first used by W. Wundt to single out physiological psychology as a scientific psychological discipline. The essence of the strategy is that the subject, for the sake of convenience in terms of its justification, is chosen narrowly and analytically. It is argued that in modern psychology a different approach is needed — it is necessary to consider the cumulative subject. Another important reason, according to the author, is that modern psychology still underestimates the role of methodology. The subject of science is the central concept in the structure of the methodology, so the construct subject must perform certain functions and meet certain requirements. In connection with this statement, it is quite clear that by no means any broad concept can constructively fulfill the role of the subject of psychology. Using the category of consciousness as an example, it is shown why consciousness should not be used as an object. The article proposes an interpretation of the subject of psychology as the inner world of a person.

Keywords: psychology; science; subject of psychology; methodology of psychology; consciousness; inner world

The study was carried out with the financial support from RFBR as part of a scientific project № 19-29-07156

For citation: Mazilov V. A. Scientific psychology in search of its subject. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2022;(3): 89-104. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2022-3-126-89-104>. <https://elibrary.ru/imtjkw>

Предмет психологии самый трудный из всего, что есть в мире, наименее поддающийся изучению; способ ее познания должен быть полон особых ухищрений и предосторожностей, чтобы дать то, чего от него ждут.

Л. С. Выготский

Введение

Редакция «Ярославского педагогического вестника» объявила об организации на страницах журнала дискуссии о предмете психологии. Можно только приветствовать данное решение, поскольку новая рефлексия и конструктивное обсуждение методологических оснований психологической науки обычно способствуют углублению понимания характера методологических проблем, стоящих перед психологией. Будем надеяться, что так произойдет и на этот раз.

Методологические дискуссии, как убедительно свидетельствует история психологии, обычно становятся особенно актуальными в ситуациях кризиса в психологии (или более или менее очевидных затруднений, возникающих в психологической науке). Как правило, те или иные методологические решения в психологии принимаются не в последнюю очередь для смягчения остроты актуальных в тот или иной момент для психологической науки затруднений. Приступая к дискуссии, полезно учитывать актуальное состояние психологической науки и характер наиболее значимых в данное время методологических проблем.

Другой момент, о котором полезно помнить, организуя методологическую дискуссию в психологии, состоит в том, что эффективность обсуждения, как опять же свидетельствует история психологии, напрямую зависит от того, насколько точно диспутанты понимают точку зрения оппонентов. Учитывая известную множественность подходов и различных определений одних и тех же понятий в психологии, диспутантам, вероятно, следует по возможности избегать неоправданных обобщений и расширений, максимально точно характеризовать суть высказываемого подхода и, если возможно, уточнять контекст тех или иных рассуждений.

Третий момент, который стоит учитывать при организации дискуссии, состоит в том, что психологам свойственно недооценивать роль методологии. В современной психологии методология должна рассматриваться не как набор методологических принципов, но как целостная концепция. Поскольку конструкт «предмет психологии» является центральным понятием концепции, яс-

но, что, обсуждая «предмет», непродуктивно рассматривать его как существующий «сам по себе», но важно учитывать его связи и роль в структуре методологии. Тогда будут понятны функции, которые конструкт призван выполнять в психологической науке.

В психологии многократно проходили научные дискуссии, посвященные проблеме предмета психологии. Проходили такого рода дискуссии и на ярославской земле (в частности, в дискуссии 2004 г., когда в обсуждении проблемы предмета психологической науки приняли участие многие известные психологи [Труды Ярославского методологического ... , 2004]). Тогда в авторитетных изданиях многократно отмечалось, что дискуссия была полезной и продуктивной. За прошедшие без малого двадцать лет ситуация в психологии и в мире значительно изменилась. Будем надеяться, что очередная дискуссия, посвященная предмету психологии, будет конструктивной, а обмен мнениями послужит дополнительным стимулом к развитию психологической науки. Хочется надеяться, что заинтересованные авторы примут участие в начинающейся дискуссии, и их методологические изыскания будут опубликованы на страницах «Ярославского педагогического вестника».

Общая психология сегодня: проявления неблагополучия

Дискуссий, посвященных обсуждению предмета психологии, как уже отмечалось, было много. Появление каждого нового направления в психологии фактически означало новый всплеск дискуссий, поскольку новизну того или иного подхода его сторонники обычно связывали с изменением трактовки предмета. Дискуссии однако отличаются еще и тем, что проходят в разных условиях, которые оказывают существенное влияние и на контент и на общую тональность курса.

Очень кратко охарактеризуем общий фон, на котором будет разворачиваться настоящая дискуссия. Давно и справедливо подмечено, что наукам благополучным не свойственно задумываться над определением своего предмета. Они занимаются текущими исследованиями, что требует времени и сил ученых. Науки, не принадлежащие к вышеупомянутым, предаются обсуждениям этого вопроса много чаще, с выраженным энтузиазмом, а иногда и со страстью. Поскольку известное выражение классика, вероятно, можно отнести не только к семьям, но и к наукам, отме-

тим, что каждая из «неблагополучных» несчастлива по-своему. Обратимся к научной психологии.

Психология готовится вскоре отпраздновать юбилей. Отсчет «истории» психологии ведется, как известно, именно с 1870-х. Психология, заявившая о себе устами Вильгельма Вундта как о самостоятельной науке в 70-е гг. XIX столетия, готовится ныне к полуторавековому юбилею. Напомним, что столетний юбилей отмечался весьма широко — в 1980 г. был проведен внеочередной Международный психологический конгресс в Лейпциге, посвященный этому знаменательному событию. Тогда это был триумф научной психологии, она находилась «на подъеме» и готовилась к штурму новых рубежей. Безусловно, предстоит очередная важная дата в истории психологии (особенно если вспомнить известное подразделение психологии, ставшее классическим, на длительное «прошлое» и короткую «историю», проведенное Германом Эббингаузом в 1908 г.) [Эббингауз, 1911]. Уместно заметить, что сейчас в XXI столетии былой эйфории не наблюдается, торжественность предстоящего события много ниже. И, честно говоря, по грядущий юбилей мало кто вспоминает.

В связи с этим вполне уместен вопрос, с какими достижениями и настроением, с какими нерешенными проблемами встречает психологическая наука свой грядущий юбилей.

Во избежание возможных недоразумений отметим, что никто не собирается приуменьшать многочисленные достижения и успехи в самых разных областях психологии, как в академической науке, так и в практико-ориентированных сферах.

Конечно, пытаться оценивать состояние мировой психологии — дело принципиально неблагоприятное, поскольку отсутствуют четкие общепринятые критерии оценки, однако некоторые тенденции, вызывающие обоснованную тревогу, могут быть обозначены. Подчеркнем, что речь идет именно о предмете психологии, что явно предполагает апеллирование к психологической науке в целом.

Создается впечатление, что психология, прошедшая за полтора столетия значительный путь и имевшая в своей биографии как драматические эпизоды (например, открытый методологический кризис в 1910-1930-е гг.), так и бурные подъемы (в 1960-х гг. был прилив энтузиазма, когда казалось, что принципиальные разногласия в науке позади, а впереди «единство при разнообразии

проблем»), в настоящее время переживает не самые лучшие времена.

Кратко сформулируем те негативные тенденции, которые проявляются в современной психологии в последние годы все более явно [Мазиллов, 2020; Мазиллов, 2021].

Констатируем, что современная психология вплотную подошла к той опасной черте, за которой вполне вероятно ее исчезновение как фундаментальной науки. Будет весьма обидно, если это печальное событие произойдет при попустительстве и безразличии психологов, психологического сообщества. Подчеркнем, что речь идет именно о существовании психологии как фундаментальной науки. Конечно, изучение психических явлений вряд ли исчезнет совсем, но существует перспектива «размывания» психологии, при котором психологическая наука рискует «раствориться» в большом количестве частных дисциплин («букет областей знания», «конгломерат наук о человеке»). Уже идут разговоры о том, что, возможно, психология и не представляет собой единой науки, скорее это конгломерат различных наук о человеке. Многие так и пишут об этом, честно и открыто.

В качестве иллюстрации приведем высказывание В. Ф. Петренко: «Поиск и обоснование релевантной для психологической науки методологической парадигмы (или парадигм) связаны еще и с тем, что расширение проблематики психологической науки, выход ее в практику и освоение новых областей приложения привели к тому, что под именем «психология» скрывается целый букет различных по объектам и методам изучения, а также по формам (для практической психологии) воздействия областей знания о человеке. Отдельные области психологии по системе понятий и методическому инструментарию ближе к родственным областям другой науки (например, социальная психология — к социологии, психофизиология — к физиологии высшей нервной деятельности), чем к ряду областей одноименной науки. Действительно, что общего — в системе понятий и методов — между исследователем, изучающим глаз и зрение лимулиса на кафедре психофизиологии, и психотерапевтом семейной консультации; между социальным психологом, изучающим лидерство в малой группе, и нейропсихологом, разрабатывающим проблему доминантности полушарий головного мозга, или, скажем, психологом, анализирующим художественные конструкты произведения искусства, и детским психологом, изучающим младенчество? На

мой взгляд, мало чего общего, кроме гордого имени — психолог.

При этом отметим, что эвристичные области исследования могут возникать на стыке наук и существуют, успешно развиваясь, например, психофизика или психофармакология, однако история психологии показывает контрпродуктивность переноса методологии физики или химии в психологическую науку. Каждая область знания строит свой предмет науки, определяемый, в первую очередь, спецификой языка и метода этой науки. Возможно, психология как единая наука со временем распадется на целый конгломерат наук о человеке, как в свое время из философии выделились естественные и гуманитарные науки и в их числе сама психология. Но пока процесс раздела «совместно нажитого имущества» в психологии еще не начался, на мой взгляд, правомочно обсуждать методологическую специфику ее различных областей и выделять философские основы и мировоззрение, присущие ее различным теоретическим школам и подходам» [Петренко, 2010, с. 134-135].

Так что же — неужели только гордое имя «психология»? «Нам остается только имя: чудесный звук на долгий срок»? Однако дело обстоит еще хуже.

Уже и само имя звучит не так гордо, как в былое время. Если раньше психология высоко котиновалась как чрезвычайно перспективная наука, наука будущего, то сейчас заметна отчетливая тенденция к понижению ее статуса. Ныне психология сместилась в самый «низ» научной иерархии, как отмечает британский ученый: «Как у всякого другого племени, у ученых есть своя иерархия. Место психологов в этой иерархии — в самом низу» [Фрит, 2010, с. 17]. Не случайно многие психологи поспешили «перекреститься» в представителей более уважаемых ныне «когнитивной науки» или «нейронауки»... На изучение традиционных для психологии проблемных полей, как известно, активно претендуют ныне когнитивные науки и нейронауки. В этом нет ничего страшного, более того, конкуренция в науке имеет и позитивные следствия. В связи с этим стоит заметить, что знание о психике, полученное в рамках, скажем, тех же нейронаук или когнитивной науки, — другое знание — и фундаментальные психологические вопросы при этом принципиально остаются без ответов.

Как бы то ни было психология как фундаментальная наука необходима хотя бы потому, что в современной научной картине мира и человека

без знания о психике обойтись невозможно. Представляется, что такое знание может дать только психология как фундаментальная наука, посвященная изучению психического во всей полноте, решающая все основные проблемы (психофизическую, психофизиологическую, психобиологическую, психосоциальную и др.).

Впрочем, констатируем, что престиж и авторитет психологии снижаются, это очевидно.

В психологии продолжается методологический кризис. Не стоит обращать внимание на то, что количество публикаций об общем методологическом кризисе в последние годы снизилось. По-видимому, психологам уже надоело обсуждать проблему кризиса в целом, поэтому в настоящее время можно говорить о «смене декораций»: сегодня речь идет не столько об общем кризисе психологии, сколько о кризисе доверия к результатам исследований в области психологии [Schmidt, 2016]. Кризис заключается в том, что в современной психологии отсутствует необходимая репликация: повторные исследования, повторяющие проведенные ранее, не дают того же результата. Исследования, посвященные «кризису репликации», имели достаточно большой резонанс. Понятно, что такие публикации не способствуют повышению интереса к психологии и добавляют разочарования в возможностях научной психологии.

И совершенно ясно, что за кризисом репликации видится более общая проблема, не получившая разрешения, — проблема предмета.

Проблема предмета в научной психологии

В научной психологии проблема предмета обсуждалась постоянно. Все без малого 150 лет она постоянно была «на виду». Проблема предмета поднималась как при обосновании научной психологии В. Вундтом, так и при возникновении всех альтернативных подходов к пониманию психологии и ее задач. Изменение трактовок предмета получило подробное отражение в работах историков психологии. Достаточно назвать фундаментальные работы М. Г. Ярошевского [Ярошевский, 1985; Ярошевский, 1974] и А. Н. Ждан [Ждан, 1990], в которых была прослежена эволюция предмета психологии в психологической науке XX столетия.

М. Г. Ярошевский с юмором писал, цитируя британского автора, о «бедной психологии», которая потеряла сначала душу, затем сознание, а теперь испытывает сомнения по поводу поведения.

Нельзя не отметить, что такого рода упрощенные представления о последовательной смене трактовок предмета не только не описывают реально происходившие в психологической науке процессы, но и входили в значительное противоречие с методологическими исследованиями. К тому же обычно не принимается во внимание, что познание психического связано с довольно существенной спецификой. В рамках настоящей статьи нет возможности рассмотреть эти вопросы сколь-нибудь подробно.

Отметим только, что историко-методологические исследования показали: проблема предмета психологии реально выглядит значительно сложнее, чем это представлялось ранее. Во всяком случае, не все авторские указания на то, что выступало в качестве предмета психологии в той или иной работе, стоит принимать безоговорочно.

Напомним, необходимо различать декларируемый, рационализированный и реальный предмет психологии [Мазиллов, 1998]. Суть состоит в том, что рассуждения о психике не столь похожи на обсуждение других предметов. Даже разговор о психике предполагает замену исходной абстракции в силу ее труднодостижимости и сложности для понимания: происходит замена непостижимого объекта другим, более доступным для понимания. Не стоит напоминать, что какое бы то ни было эмпирическое исследование такого рода абстракции невозможно. Заметим, что эмпирический базис предполагает почти любая научная теория, это стало едва ли не атрибутом научности. Поэтому, «когда мы говорим о психике, в действительности рано или поздно в нашем рассуждении появляются такие понятия, как отражение, деятельность, поведение, адаптация, личность, ориентировка и пр. Таким образом, понятно, что предмет психологии имеет достаточно сложную структуру, включающую в себя различные компоненты. Можно говорить о декларируемом предмете. В настоящее время под декларируемым предметом обычно имеется в виду «психика», поскольку именно она заявляется в качестве предмета психологической науки. О сложностях исследования психики как таковой уже упоминалось. Поэтому в действительности используется «заместитель» декларируемого предмета — отражение, деятельность, поведение и тому подобное, который уместно именовать рационализированным предметом. И, наконец, тот конструкт, который порождается при обязательном участии моделирующих представлений,

вполне заслуживает наименование реального предмета. Это необходимо для того, чтобы не запутаться, что имеется в виду в том или ином случае [Мазиллов, 2017].

Констатируем, что многие авторы и исследователи ограничиваются декларативным определением предмета. Действительно, в настоящее время в психологии широко распространена точка зрения, что предметом психологии считается «психика». Поскольку это трудноопределимое понятие, в основном «про предмет» ритуально «приговаривают». В первой главе условного учебника приводятся фразы про психику, в дальнейших разделах книги речь идет о том, что с предметом науки, заявленным в первой главе, реально не соотносится. Это представляется нам существенной ошибкой.

Например, те, кто пишут, что предметом психологии является сознание, характеризуют его по результатам эмпирических исследований на самом деле изучали явно не сознание в целом. Сознание в целом, как и поведение в целом, не говоря уже о психике в целом никто никогда не изучал. Всегда речь должна идти о чем-то куда более конкретном, включающем моделирующие представления и производные от них конкретные исследовательские процедуры. Поэтому вряд ли стоит удивляться, что, исследуя реальные предметы, разные психологи получают различные результаты. Удивляться может лишь тот, кто полагает, что все исследуют декларативный предмет. Существенная проблема психологии в том, что, изучая реальный предмет, результаты привычно переносят на предмет декларативный.

И если подойти к истории психологии с учетом этих соображений, вполне может оказаться, что представления о развитии психологической науки сильно изменятся. К тому же если добавить, что в истории психологии пока совсем не используется уровневый подход (на его реализации в истории психологии настаивал М. С. Роговин), а сама история рассматривается как фактически линейный процесс, многое в ней остается непонятным. Впрочем, это отдельная тема.

Предмет научной психологии в зеркале истории и методологии

В предыдущем разделе мы уже фактически коснулись значения методологических исследований для понимания предмета психологии. Для дальнейшего продвижения в нужном направлении нам придется совершить предельно краткий

историко-методологический экскурс. Как уже отмечалось, обсуждение предмета психологии и многочисленные дискуссии по этому поводу проходят через всю историю научной психологии. Само возникновение научной психологии и ее обоснование как самостоятельной науки предполагало конструирование нового предмета. Напомним, что в философской психологии предметом изучения была душа, которая понималась как единое целое, обеспечивающее важнейшие функции познания, чувства и воли. Вундт, выступивший инициатором выделения психологии в самостоятельную науку, первым задал предмет физиологической психологии (которую он и полагал самостоятельной наукой) узкоаналитически, объявив, что предметом является непосредственный опыт. Фактически предметное поле физиологической психологии оказалось чрезвычайно суженным, охватывая лишь ощущения и восприятие. Таким образом, Вундт явился инициатором традиции узкоаналитического задания предмета. Противники Вундта, полемизировавшие с ним, возражали против конкретного понимания предмета психологии Вундтом, но, предлагая свои варианты трактовки предмета, сохранили традицию узкоаналитического способа определения предмета. Поскольку, к сожалению, в рамках настоящей статьи нет возможности сколь-нибудь подробно рассмотреть этот вопрос, отошлем читателя к более развернутому изложению [Мазилев, 2021].

Констатируем, что научная психология таким образом становится множеством новых альтернативных подходов, фактически не соотнесенных между собой, но активно полемизирующих. Иными словами, множится число конкурирующих подходов, но не решается задача накопления психологического знания, поскольку авторы нового взгляда искренне убеждены в своей правоте и заблуждениях предшественников и оппонентов. Причина понятна — проводя исследования на узко-предметном материале, результаты распространяются исследователями на декларативный предмет. История научной психологии таким образом становится множеством новых подходов, фактически не соотнесенных между собой. Иными словами, множится число конкурирующих подходов, но не решается задача накопления психологического знания. О причине мы уже сказали.

Описанное кому-то может показаться злым шаржем на историю психологии. Приведем превосходное описание обозначенных процессов,

данное А. В. Юревичем. А. В. Юревич пишет: прошлое психологии «обычно предстает как скопление ошибок, нагромождение артефактов, паутина тупиковых направлений исследования или, в лучшем случае, как беспорядочное накопление феноменологии, которое по отношению к психологии грядущего призвано сыграть ту же подготовительную роль, какую философия сыграла по отношению к науке. Именно в силу такого отношения к прошлому психологическое знание не кумулятивно, а любое новое направление психологической мысли уверенно отмечает все предыдущие, видя в них только «кладбища феноменологии», фон для оттенения своих достоинств и иллюстрации чужих ошибок» [Юревич, 2008, с. 5]. Таким образом психология — в том числе и современная — представляет совокупность различных подходов, теорий, практически не соотнесенных между собой.

Более того, стратегия узкоаналитического задания исследования была канонизирована как анализ «по единицам». Не обсуждая здесь проблему в целом, отметим, что применительно к предмету психологии движение от единицы к целому приводит в тупик.

Современной психологии необходим переход к другому способу задания предмета. Этот другой путь сформулирован в работах [Шадриков, 2006; Шадриков, 2015; Мазилев, 2017; Мазилев, 2020]. Суть состоит в том, что предмет психологии понимается как целое, внутри которого по-новому осмысляются отношения между составляющими. Иными словами, предмет должен рассматриваться как совокупный, как целостное образование. Раз мы не понимаем в точности природы сущности целого, вряд ли мы сможем сконструировать единицы, отражающие эту не вполне понятную нам сегодня сущность. Пока нам не известна природа психики — подлинного предмета психологии, мы должны выбирать объекты нашего психологического исследования с большой осторожностью, не допуская подмены целого его частью.

Говоря об исследованиях в области методологии психологии, нельзя не упомянуть, что, как свидетельствуют работы, конструкт «предмет психологии» может использоваться и фактически применяется в разных контекстах. Это полезно учитывать при организации дискуссии по предмету психологии, чтобы избежать возможных недоразумений.

Прежде всего, отметим, что предметом может быть много, понимания (трактовки) предмета

могут различаться в зависимости от того, с какими целями выделяется предмет науки.

В качестве наиболее распространенных вариантов укажем следующие: а) конституировать психологию как науку; б) определить область исследований; в) дифференцировать предмет с целью уточнения исследовательских позиций; г) как средство опредмечивания проблемы [Мазиллов, 2020].

Возможны различные подходы к анализу предмета психологии: а) возможен теоретический анализ предмета; б) содержательный анализ предмета психологии; в) эпистемологический анализ предмета (анализ с точки зрения философии науки); г) сравнительно-исторический подход к анализу предмета психологии [Мазиллов, 2020].

Хорошо известно, что могут существовать различные способы задания предмета. И. Н. Карицкий выделяет следующие способы экспликации предмета психологии: декларативный; постулирующий; дидактический; описательный; как совокупности предметов исследования и т. п. [Карицкий, 2004].

Достоин упоминания исследование В. И. Гинецинского, в котором предмет исследуется в дидактическом аспекте: «Для любой отрасли знания, в том числе психологии, определение собственного предмета, то есть соотносимо с ней фрагмента действительности, аспектов и уровней его рассмотрения, составляет центральную задачу. Эта задача не имеет раз и навсегда найденного решения, она постоянно уточняется (видоизменяется) по мере развития самой науки» [Гинецинский, 1994, с. 61]. Обсуждая вопрос об определении предмета психологии, автор отмечает: «Для определения предметной области психологии в общем можно воспользоваться пространственным представлением о положении этой области среди предметных областей других наук. Тогда для того чтобы определить предмет психологии, нужно очертить внешние (экстерналиные) границы ее предметной области и показать ее внутреннюю (интерналиную) расчлененность, поскольку сама психология может быть представлена также как совокупность (система) входящих в нее частных, научных дисциплин. Прочерчивание внешних и внутренних границ предметной области психологии вместе с тем являет собой пример неявного (имплицитного) определения предмета. Поэтому в дополнение к ним следует предложить и вариант явного (эксплицитного) его определения. В качестве таково-

го может выступать характеристика содержания понятий, которые используются для ее наименования в целом. Таким образом, мы приходим к разграничению трех вариантов определения предмета психологии: имплицитное экстерналиное, имплицитное интерналиное и эксплицитное» [Гинецинский, 1994, с. 61].

Исследования и разработки в области методологии психологии показали, что интегративная методология может быть представлена не просто совокупностью принципов и понятий, но концепцией методологии психологической науки. Традиционно собственно психологический уровень методологии (в соответствии с разработками в эпистемологии и философии науки выделяются философский, общенаучный и частнонаучный уровни) в отечественной психологии достаточно долго понимался как система методологических принципов, лежащих в основе проводимых исследований и обосновании разрабатываемых теорий. Как было показано в работах автора, методология психологии имеет конкретно-исторический характер [Мазиллов, 2017]. В последние годы на первый план выходит разработка методологии психологии как целостной концепции.

Центральным звеном в структуре методологии является конструкт предмет психологии. Разработка отдельных вопросов методологии (даже таких важных для психологии как проблема предмета, метода, объяснения и т. д.) взятых сами по себе не позволяет принципиально изменить ситуацию в методологии. Это привело к выводу, что методологические проблемы должны решаться в комплексе, что поставило на повестку дня разработку интегративной концепции методологии. Под интегративной методологией понимается общая методология психологии как непротиворечивая концепция, трактующая проблемы предмета, метода, объяснения, интерпретации, теории, факта в их взаимосвязи. Контекст рассмотрения задается общей схемой психологического исследования, которая дискуссий в литературе не вызывает и выступает в качестве объединяющего начала. Вне учета подобной взаимосвязи не может быть достигнуто существенное дальнейшее продвижение в разработке этих (и многих других) важнейших методологических вопросов современной психологии. Была разработана интегративная методология, представляющая собой общую методологическую концепцию, в которую включены частные методологические концепции предмета психологии, ее

метода, психологической теории, факта, объяснения, интерпретации. Рассмотрение методологических вопросов в рамках общей концепции позволяет выявить функции того или иного методологического конструкта, которые он должен выполнять в психологической науке.

В структуре методологии, как упоминалось, центральное место занимает категория предмета психологии. Было показано, что традиционный подход, в соответствии с которым выделяются «единицы» предмета, не является адекватным. В этом случае нарушается целостность предмета, в связи с чем конструкт предмет не может выполнять функции, которые должен выполнять в структуре психологии.

Были выделены и описаны следующие функции предмета: конституирование науки; обеспечение работы «машины предмета»; функция определения предмета научного исследования; функция предметного стола, функция определения границ науки и пространства исследований; дидактическая функция [Мазиллов, 2020].

Могут быть сформулированы требования к предмету психологии [Мазиллов, 2020]. Таким образом становится понятно, что далеко не каждое широкое психологическое понятие может претендовать на то, чтобы быть предметом психологии.

Сознание как возможный предмет психологии

Для иллюстрации воспользуемся достаточно распространенным случаем, когда на роль предмета психологии предлагается «сознание». Как мы знаем из истории психологии, многие концепции философской психологии ориентировались на эту категорию.

В последнее время довольно часто высказывается точка зрения, согласно которой предметом научной психологии может выступать сознание. В свое время широкую известность получила работа В. П. Зинченко 2006 г. «Сознание как предмет и дело психологии» [Зинченко, 2019]. Позднее была издана фундаментальная работа «Сознание и творческий акт» [Зинченко, 2010].

Подчеркнем, что нас интересует в данной работе сознание как возможный претендент на роль предмета психологической науки. Если рассматривать сознание достаточно широко, включая в него и бессознательные структуры, может показаться, что это достаточно удачный вариант, поскольку охватывает значительную часть психической жизни. Как нам представляется, это ре-

шение конструктивным не является уже хотя бы потому, что лишает понятие «сознание» определенности, установленной кропотливой работой психологов нескольких поколений: механическое соединение составляющих без проработки механизмов взаимодействия обычно позитивного результата не дает. К этому вопросу мы вернемся чуть ниже, сейчас же заметим, что та или иная трактовка предмета — дело чрезвычайно ответственное, ибо представляет собой принципиальный выбор, ключевое самоопределение науки. Это в том случае, если расценивать выбор того или иного предмета как важное событие. Другое дело, если ключевой выбор представить как формальность: тогда найдется место тонкому юмору, но горечь упущенных возможностей останется.

Процитируем В связи с этим известного отечественного методолога В. П. Зинченко, который, как можно полагать, несколько разочаровался в последние годы жизни в перспективности поисков предмета психологии. «К задаче определения предмета науки нужно отнестись *cum grano salis*, следуя совету Г. Г. Шпета: «Для науки предмет ее — маска на балу, аноним, биография без собственного имени, отчества и дедовства героя. Наука может рассказать о своем предмете мало, много, все, одного она никогда не знает и существенно знать не может — что такое ее предмет, его имя, отчество и семейство. Они — в запечатанном конверте, который хранится под тряпьем Философии... Много ли мы узнаем, раздобыв и распечатав конверт?.. Узрим ли смысл? Уразумем ли разум искусств? (добавим и наук — В. Зинченко). Не вернее ли, что только теперь и задумываемся над ними, их судьбою, уйдем в уединение для мысли о смысле?» [Зинченко, 2019, с. 849].

Мы полагаем, что такого рода позиция не является оправданной. Предмет науки никоим образом не «маска на балу». Наука, осознавшая себя наукой, есть в первую очередь система понятий, среди которых важнейшим является понятие «предмет науки». Более того, наука, осознавшая себя наукой, не может существовать без методологии. Сердцевинной методологии является понятие предмета психологической науки. Как об этом прекрасно написал известный методолог психологии Г. В. Залевский, «на мой взгляд, недостаточно понимать систему, в том числе и методологическую, только с позиции взаимосвязи составляющих ее элементов, не учитывая того, что каждый элемент играет свою роль в этой вза-

имосвязи, во-первых, и во-вторых, по мере усложнения живой системы — от клетки до человека и человеческого сообщества — эти взаимосвязи все больше иерархизируются с появлением «командного» элемента, играющего роль интегратора всех элементов системы. С моей точки зрения, в интегративной методологии таковым элементом и является предмет психологии (точнее, понимание предмета, что для нас выступает в качестве предмета психологии)» [Залевский, 2019, с. 198].

Согласимся с высказыванием Г. В. Залевского, подчеркнем, что призыв продолжать поиски предмета психологии, прозвучавший в выступлении А. Г. Асмолова в 2019 г. [Асмолов, 2019] по-прежнему актуален.

Вспомним классику отечественной методологии психологии. Согласно К. А. Абульхановой-Славской, «роль методологии заключается не только в указании на то, что должна исследовать данная наука, но и в выработке таких способов, которые кратчайшим путем вели бы познание к выявлению сущности данного круга явлений. Речь идет о выработке типичных для данной науки способов добывания новых знаний, способов раскрытия закономерностей данного круга явлений. Функция методологии заключается прежде всего в определении предмета исследования науки, в данном случае психологии (курсив наш. — В. М.)» [Абульханова-Славская, 1969, с. 318]. Методология не составляет предмета психологии, но на ее основе предмет выделяется. К. А. Абульханова-Славская приходит к важному выводу, согласно которому развитие конкретной методологии науки не произвольный, а диктуемый самим ходом развития науки процесс. Различение предмета и объекта психологии, на котором настаивает автор, позволяет избежать противоречий и ошибок: «В отличие от объекта науки, предмет научного исследования есть логическая категория научного познания, результат или продукт абстрагирующей деятельности научного исследования» [Абульханова-Славская, 1969, с. 320].

Прежде, чем продолжить рассуждения о возможности понятия «сознание» выступать в качестве предмета психологии, необходимо остановиться на важном моменте. Приведем высказывание известного отечественного философа Д. И. Дубровского: «Несмотря на значительные результаты разработки проблемы сознания, достигнутые за последнее время, в публикациях философов и психологов все чаще можно услы-

шать эмоционально насыщенные утверждения, что сознание остается неразрешимой «загадкой», «тайной», сплошным «парадоксом», что здесь мы зашли в тупик. Казалось бы, такие утверждения нельзя принимать всерьез. Но они высказываются и «обосновываются» известными психологами и философами. И этого, конечно, нельзя оставить без внимания. На мой взгляд, такие слишком пессимистические и неосновательные заявления вызваны не только действительными трудностями проблемы сознания, но и более глубокими причинами социального и экзистенциального характера» [Дубровский, 2017, с. 151].

«Пессимистические и неосновательные заявления», о которых пишет Д. И. Дубровский, действительно вызваны не только трудностями проблемы сознания. Трудности известны, не случайно появилось выражение, которое широко используется философами — «трудная проблема сознания». На наш взгляд, в оценке проблемы сознания как загадки и тайны есть рациональное зерно. И ее необходимо специально обсудить, так как «тайна» может толковаться по-разному.

Как представляется, для понимания такой оценки крайне важен исторический аспект, что заставляет вкратце обратиться к «истории вопроса». Как известно, 14 августа 1872 г. известный физиолог Эмиль Генрих Дюбуа-Реймон в своем выступлении «О границах познания природы» сформулировал знаменитое «*Ignorabimus*» — «никогда не познаем». «*Ignoramus et ignorabimus*» (лат. «не знаем и не узнаем»). Смысл выражения, по-видимому основательно прописавшегося в психологической литературе, заключается в том, что мы никогда не перейдем положенной человеческому духу границы познания природы. Дюбуа-Реймон перечислил семь проблем, на которые человечество никогда не получит ответа. Одна из них — происхождение сознания. Таким образом проблема сознания стала мировой загадкой. тайной. Понятно, что появились желающие это мнение Дюбуа-Реймона оспорить. Среди них первый — Эрнст Геккель, автор известного труда «Мировые загадки» [Геккель, 1937], поставивший своей целью отстоять «честь материалистической науки». Можно смело сказать, что всю свою научную деятельность он подчинил одной идее — доказать, что мировые загадки успешно решаются современным естествознанием. Э. Геккель считал, что загадки, в том числе и тайна сознания, вполне разрешимы. Многие полагали, а среди них и

Ч. Шеррингтон, и Дж. Икклз, и К. Поппер и др. настаивали, что тайна остается.

Не вникая в детали, предоставим слово практически нашему современнику – выдающемуся нейрофизиологу и нейрохирургу Уайлдеру Пенфилду, указывающему, что есть две гипотезы: 1) человеческая сущность состоит из одного фундаментального элемента, 2) что она состоит из двух элементов. «В итоге я пришел к заключению, что, несмотря на новейшие методы исследования, такие как применение стимулирующих электродов, изучение пациентов, находящихся в сознательном состоянии, и анализ эпилептических приступов, достоверных данных о том, что только один мозг может выполнять работу, которую осуществляет разум, не существует. Я прихожу к выводу, что гораздо легче рационализировать человеческую сущность на основе двух элементов, чем на основе одного. Но я уверен, что никто не должен претендовать на окончательный научный вывод в области изучения человека человеком до тех пор, пока не будет выяснена природа энергии, ответственной за работу разума, что, по моему мнению, рано или поздно произойдет» [Пенфилд, 2018, с. 248]. Поскольку природа энергии разума, как на то указывал и Карл Юнг, которого мы уже цитировали, пока что неизвестна, существует и тайна. Во всяком случае, пока.

Здесь приведу собственное мнение: «Когда мы учились на факультете психологии много лет назад, было доминирующим представлением, что для того, чтобы овладеть научным психологическим знанием, необходимо ориентироваться на естественные науки. Студенты-психологи прилежно осваивали анатомию и физиологию человека в объемах медицинского института, верили в торжество естествознания и, конечно, были в лагере Эрнста Геккеля. Однако, со временем становилось все более ясно, что знание природы сознания (знание природы энергии, ответственной за работу разума, согласно Пенфилду) может быть губительно для человечества, поскольку означает, по сути, открытие эры такого оружия, которое будет по-настоящему психотронным, а сама эра вряд ли будет длинной...»

Впору задуматься о некоей защите, которая препятствует откровенно опасным открытиям. Так что пока до конца света еще есть время, во всяком случае пока тайна остается тайной»

«Когда мы учились на факультете психологии много лет назад, было доминирующим представлением, что для того, чтобы овладеть научным

психологическим знанием, необходимо ориентироваться на естественные науки. Студенты-психологи прилежно осваивали анатомию и физиологию человека в объемах медицинского института, верили в торжество естествознания и, конечно, были в лагере Эрнста Геккеля. Однако, со временем становилось все более ясно, что знание природы сознания может быть губительно для человечества, поскольку означает, по сути, открытие эры такого оружия, которое будет по-настоящему психотронным, а сама эра вряд ли будет длинной... Так что пока до конца света еще есть время, во всяком случае пока тайна остается тайной» [Мазилев, 2022].

В относительно недавнем 2010 г. классик отечественной психологии В. П. Зинченко [Зинченко, 2010] опубликовал важную книгу о сознании. В авторском предисловии к фундаментальному труду «Сознание и творческий акт» он пишет, что это «...книга, посвященная двум тайнам — сознанию и творчеству, которые вместе, возможно, составляют общую или единую тайну» [Зинченко, 2010, с. 11]. В. П. Зинченко предупреждает: «Не буду вводить в заблуждение: по прочтении книги тайна таковой и останется, разве что со следами авторских прикосновений. Не все из них носят мои отпечатки. Есть и другие, принадлежащие заслуженным собеседникам» [Геккель, 1937, с. 11]. И как совет читателям: «...тайну надо полюбить, тогда она, возможно, поближе подпустит к себе. Однако не надо обольщаться, ибо ничто не вечно под луной, кроме вечных проблем бытия и сознания» [Зинченко, 2010, с. 11].

Как мы видим, тайна жива.

За пределами тайны разворачиваются исследования сознания, в которых можно видеть все богатство методических схем, накопленных за годы развития научной психологии. Естественно, что в этих исследованиях можно видеть великое разнообразие подходов — от простых, наивных, одномерных до мультисистемных...

В психологии и философии существует множество подходов. Прочитаем еще раз упомянутую статью Д. И. Дубровского: «Среди психологов (да и среди философов) сейчас в моде безразмерная свобода мышления, «право» каждого говорить, что угодно (без какой-либо реальной ответственности за свои утверждения). Основательный критический анализ предлагаемых концепций — необходимое условие деловых дискуссий и действительных теоретических достижений в современной психологии. Здесь может

быть успешным сотрудничество с философами, специалистами по методологии науки. Конечно, критическая работа — дело трудоемкое и малоинтересное, ведь каждый занят «своими» вопросами, нет времени. Даже при сильном желании автора концепции, ему трудно найти для себя профессионального оппонента — знаю это по своему опыту; до сих пор в поиске. Не имея надежды увлечь других личным примером, я все же счел своим долгом выполнить такую тяжелую критическую работу. И думаю, что дискуссия по затронутым мной вопросам будет полезна» [Дубровский, 2017, с. 159].

Подчеркнем, что в нашей статье речь идет именно о сознании как потенциальном предмете психологии. Многочисленные подходы, в которых анализируется «трудная проблема сознания» в целом и отдельные ее аспекты в этой статье не рассматриваются, что никоим образом не означает недооценки роли этих исследований. В связи с этим хотелось бы предостеречь будущих участников дискуссии от обсуждения трудной проблемы во всей ее полноте или аспектов, не относящихся вплотную к пониманию предмета психологии.

В том, что число таких аспектов огромно, убеждает еще одна выдержка из статьи Д. И. Дубровского, отмечающим огромное количество актуальных вопросов, непосредственно связанных с проблемой сознания. С непродуктивностью ограничения рассмотрения «трудной проблемы сознания» в целом отдельным подходом, за рамками которого остается важнейшая проблематика, можно согласиться: «Позиция «радикального когнитивизма» заведомо несостоятельна. Она крайне упрощает многоплановую проблему сознания: отсекает как излишние или просто выносит за скобки важнейшие, наиболее трудные узлы проблемы сознания. Об этом подробно писал В. А. Лекторский [Лекторский 2015] и другие, в том числе зарубежные философы. За бортом остаются актуальнейшие вопросы онтологии, аксиологии и праксеологии сознания, вся экзистенциальная проблематика, задача объяснения субъективной реальности как специфического и неотъемлемого качества сознания. С позиций «радикального когнитивизма», как мы видели, категорически отрицается необходимость и правомерность объяснения характера связи явлений субъективной реальности с мозговыми процессами, их способность служить причиной телесных изменений. Эти вопросы находятся более полувека в центре внимания анали-

тической философии и являются ключевыми для психофизиологии и новейших направлений нейронауки. Они имеют первостепенное значение для конвергентного развития НБИКС (нанотехнологий, биотехнологий, информационных, когнитивных, социальных технологий и соответствующих им областей научного знания). Весь этот круг вопросов проблемы сознания, который игнорируется с позиций «радикального когнитивизма» В. М. Аллахвердова, широко разрабатывается в современной психологии. Несмотря на дефицит в психологии основательных теорий, научные знания о сознании в ней весьма объемны. Но их рост, как хорошо известно, вызывает новые проблемы, умножает их число, остро актуализирует некоторые старые проблемы. Самым узким местом сегодня в философских и психологических исследованиях сознания является экзистенциальная проблематика — о подлинных смыслах существования и деятельности человека и человечества. В условиях неуклонного углубления общего кризиса нашей потребительской цивилизации эти вопросы приобретают чрезвычайную актуальность. Проблема сознания в целом становится самой главной, судьбоносной для нашей цивилизации, ибо доминирующие негативные черты массового сознания, такие как ненасытность потребления, агрессивность к себе подобным, чрезмерное эгоистическое своеволие как раз и определяют губительный вектор ее развития. Если эти черты сознания не изменятся, нас ждет антропологическая катастрофа» [Дубровский, 2017, с. 159].

Однако, получив представление о потрясающем многообразии проблем сознания, вернемся к интересующей нас проблеме — сознанию как предмету психологии. Рассмотрим в качестве примера только что вышедшую из печати монографию В. В. Козлова [Козлов, 2022]. В. В. Козлов, кстати, из числа тех, кто признает наличие тайны сознания: «несмотря на огромную историю исследования сознания и тысячи великих умов, которые пытались раскрыть ее содержание, сознание как предмет научного поиска остается великой тайной, которую и автор этой книги не претендует раскрыть» [Козлов, 2022, с. 26].

В своей новой книге В. В. Козлов предпринимает попытку дать целостную картину сознания, ориентируясь на разрабатываемый им в течение последних лет интегративный подход. В. В. Козлов указывает, что «предметом нашей монографии является индивидуальное сознание

как психическое явление» [Козлов, 2022, с. 26]. В. В. Козлов делает важное утверждение: «В отечественной и зарубежной психологии выделяются различные сферы и формы индивидуального сознания: бессознательное, подсознание, самость (осознание самобытия), мирознание, самосознание, надсознание, сверхсознание. Сама дифференциации на 7 форм индивидуального сознания не добавляет определенности в понимании основного предмета психологии» [Козлов, 2022, с. 26].

Представляется, что в этом В. В. Козлов глубоко прав: даже включение в сознание всех вышеперечисленных составляющих не позволяет рассматривать его как предмет психологической науки, поскольку даже столь широко трактуемое понятие не охватывает всей психической реальности. Очевидно, что в этом случае за пределами предмета остается важнейшее для психологии понятие личность (и ее составляющие), что не позволяет представить архитектуру предмета психологии. Это в свою очередь — хотя конструирование предмета здесь напоминает по способу построение совокупного предмета — не позволяет выявить функции и роль компонентов предмета. Не нужно специально говорить о том, что указанные компоненты в значительной степени «пересекаются», а для конструкта «предмет психологии» такое вряд ли допустимо.

Поэтому, как нам представляется, конструкт «сознание» не в состоянии удовлетворить требованиям, предъявляемым к предмету психологической науки.

Внутренний мир как предмет психологической науки

В рамках настоящей статьи нет возможности изложить концепцию внутреннего мира человека как предмета психологии, этому вопросу требуется посвятить по меньшей мере отдельную статью.

В ряде публикаций [Шадриков, 2006; Шадриков, 2015; Мазилев, 2020] в качестве предмета психологии был предложен конструкт внутренний мир человека. Возможность использования данного конструкта в качестве предмета психологии была обоснована В. Д. Шадриковым [Шадриков, 2006], архитектура представлена в работе [Шадриков, 2015].

Конструкт внутренний мир человека был выбран потому, что не вызывает серьезных возражений со стороны психологов самых разных направлений. Еще У. Джемс отмечал, что в нали-

чий внутреннего мира никто не сомневался. В качестве примера сошлемся на авторитет Л. М. Веккера: «Внутренний мир человека, его душа — она наш предмет. Она микрокосм, в котором все предстает в неразложимой целостности. Внешний мир легче поддается членению, а здесь все в духовной целостности» [Логинова, 2018, с. 111]. Известный специалист, автор целостной теории психических процессов, как мы понимаем, не возражал против того, что психология должна изучать внутренний мир человека.

Конструкт внутренний мир человека прошел соответствующую проверку, было показано, что он удовлетворительно выполняет функции предмета, о которых речь шла выше [Мазилев, 2020].

Конструкт внутренний мир человека соответствует совокупному пониманию предмета, полностью охватывает пространство психической реальности.

Достоинством такой трактовки предмета психологии является то, что она максимально близка традиционной номенклатуре психических явлений. Пересмотр категории способности и введение в употребление понятия мысль, позволили В. Д. Шадрикову выстроить архитектуру внутреннего мира человека, внутри которой каждый компонент внутреннего мира выполняет свои функции в рамках целого. Проведенные изменения, в частности, трактовка психических процессов как способностей позволили преодолеть традиционный для общей психологии функционализм и непротиворечиво соединить в рамках целого компоненты внутреннего мира человека. Поскольку архитектура внутреннего мира представлена как уровневое образования (выделяются индивидуальный уровень, а также уровни субъекта и личности), архитектура приобретает объем.

Особым достоинством представленной модели является то, что она имеет значительный потенциал в плане интеграции психологического знания, поскольку может выступать своего рода «площадкой для сборки» и сопоставления результатов исследований тех или иных явлений в разных подходах.

Наконец, что важно, использование конструкта внутренний мир человека, позволяет использовать возможности причинно-следственного объяснения, избегая редукции психического к непсихическому [Мазилев, 2020].

Заключение

Настоящая статья предваряет дискуссию, открываемую редакцией журнала «Ярославский педагогический вестник» по проблеме предмета психологии. Естественно, что задача изложить собственную позицию в сколь-нибудь полном объеме не ставилась, так как главная цель настоящей публикации состояла, по замыслу автора, в том, чтобы очертить возможные пространства дискуссионного поля и по возможности способствовать наилучшему взаимопониманию дискуссионных участников.

Использование автором конструкта «внутренний мир человека» никоим образом не означает попытки подчинить психологию новому авторскому подходу. Этот конструкт был выбран исключительно потому, что, повторю, по свидетельству У. Джемса, в наличии внутреннего мира человека никто серьезно не сомневался. В основу работы психологического сообщества по сохранению психологией статуса фундаментальной научной дисциплины должно быть положено то, что не вызывает больших разногласий.

Психология — повторю — должна сохранить статус фундаментальной науки. Для этого необходимо удовлетворительно решить проблему предмета, так как только после этого будет возможна эффективная работа по кумуляции и интеграции научного знания в нужном объеме, чего пока нет в современной психологии и что принципиально необходимо для фундаментальной науки.

Если на роль предмета вместо внутреннего мира человека в процессе дискуссии будет предложен другой, более подходящий конструкт, он будет незамедлительно принят и поддержан. Могут сказать только одно: другого пути для разрешения беспрецедентно сложной ситуации, связанной с угрозой утраты психологией статуса фундаментальной науки, в настоящее время не просматривается. И для устранения этой угрозы требуется работа всего психологического сообщества.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К. А. Методологический аспект проблемы субъективного // Методологические и теоретические проблемы психологии. Москва : Наука, 1969. С. 317-347.
2. Асмолов А. Г. «Вечный вопрос психологии: помогает ли решение проблем психологии разрешать «психологические проблемы»?» 2019. URL: <https://psy.su/feed/7542/> (дата обращения: 20.04.2022).

3. Геккель Э. Мировые загадки. Москва : Огиз, 1937. 423 с.
4. Гинецинский В. И. Предмет психологии: дидактический аспект. Москва : Логос, 1994. 214 с.
5. Джеймс У. Воля к вере. Москва : Республика, 1997. 431 с.
6. Дубровский Д. И. Сознание как «загадка» и «тайна»: к парадоксам «радикального когнитивизма» // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 151-161.
7. Ждан А. Н. История психологии. Москва : МГУ, 1990. 367 с.
8. Залевский Г. В. Рецензия на монографию В. А. Мазилова «Методология психологической науки. История и современность» // Сибирский психологический журнал. 2019. № 71. С. 197-200.
9. Зинченко В. П. Сознание как предмет и дело психологии // Общая психология: хрестоматия в 5 томах. Т. 1 / составители В. А. Мазилов, В. Д. Шадриков при участии А. А. Костригина. Москва : РИД РосНОУ, 2019. С. 848-874.
10. Карицкий И. Н. Методологические основания определения предмета психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2. Ярославль : МАПН, 2004. С. 137-152.
11. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. Москва : Языки славянских культур, 2010. 592 с.
12. Козлов В. В. Психология сознания: интегративный подход. Москва : Психотерапия, 2022. 520 с.
13. Лекторский В. А. Возможны ли науки о человеке? // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 3-15.
14. Логинова Н. А. Теоретик психологии Лев Маркович Веккер // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 1. С. 106-115.
15. Мазилов В. А. Психология в борьбе за существование // Методология современной психологии. Вып. 13. Москва ; Ярославль : ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2021. С. 259-286.
16. Мазилов В. А. Биосоциальная проблема в контексте методологии психологической науки // Психологический журнал. 2020. Том 41. № 3. С. 122-130.
17. Мазилов В. А. О психологических понятиях и методологии психологии // Вопросы психологии. 2020. № 1. С. 71-83.
18. Мазилов В. А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. 419 с.
19. Мазилов В. А. Предмет психологии : монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 186 с.
20. Мазилов В. А. «Крепкая цитадель»: профессор В. В. Козлов и его новая книга о «центральной психологической тайне» // Козлов В. В. Психология сознания: интегративный подход. Москва : Психотерапия, 2022. С. 5-19.
21. Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. Москва : Новый хронограф, 2009. 440 с.

22. Пенфилд У. Мозг. Тайны разума. Москва : АСТ, 2016. 256 с.
23. Труды Ярославского методологического семинара. Том 2: Предмет психологии / под ред. В. В. Новикова (гл. ред.), И. Н. Карицкого, В. В. Козлова, В. А. Мазилова. Ярославль : МАПН, 2004. 336 с.
24. Фрит К. Мозг и душа: Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. Москва : Астель: CORPUS, 2010. 335 с.
25. Шадриков В. Д. Внутренний мир человека. Москва : Логос, 2006. 386 с.
26. Шадриков В. Д. Способности и одаренность человека. Москва : Институт психологии РАН, 2019. 274 с.
27. Шадриков В. Д. Общая психология : учебник для академического бакалавриата / В. Д. Шадриков, В. А. Мазиллов. Москва : Юрайт, 2015. 411 с.
28. Эббингауз Г. Очерк психологии. Санкт-Петербург : Изд-во О. Богдановой, 1911. С. 242.
29. Юревич А. В. Психология в современном обществе // Психологический журнал. 2008. № 6. Т. 29. С. 5-14.
30. Ярошевский М. Г. История психологии. 3-е изд., дораб. Москва : Мысль, 1985. 575 с.
31. Ярошевский М. Г. Психология в XX столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки. Изд. 2-е, доп. Москва : Политиздат, 1974. 447 с.
32. Jung K. G. Die Bedeutung von Konstitution und Vererbung für die Psychologie // Ges. Werke. Bd. 8. 1967. S. 418-423.
33. Schmidt F. L., Oh I.-S. The Crisis of Confidence in Research Findings in Psychology: Is Lack of Replication the Real Problem? Or Is It Something Else? // Archives of Scientific Psychology. 2016. 4. 32-37.
- paradoxes of «radical cognitivism» // Voprosy filosofii. 2017. № 9. S. 151-161.
7. Zhdan A. N. Istorija psihologii = History of psychology. Moskva : MGU, 1990. 367 s.
8. Zalevskij G. V. Recenzija na monografiju V. A. Mazilova «Metodologija psihologičeskoj nauki. Istorija i sovremennost'» = Review of the monograph by V. A. Mazilov «Methodology of psychological science. History and modernity» // Sibirskij psihologičeskij zhurnal. 2019. № 71. S. 197-200.
9. Zinchenko V. P. Soznanie kak predmet i delo psihologii = Consciousness as a subject and a matter of psychology // Obshhaja psihologija: hrestomatija v 5 tomah. T. 1 / sostaviteli V. A. Mazilov, V. D. Shadrikov pri uchastii A. A. Kostričina. Moskva : RID RosNOU, 2019. S. 848-874.
10. Karickij I. N. Metodologičeskie osnovanija opredelenija predmeta psihologii = Methodological grounds for the definition of the subject of psychology // Trudy Jaroslavskogo metodologičeskogo seminar. T. 2. Jaroslavl' : MAPN, 2004. S. 137-152.
11. Zinchenko V. P. Soznanie i tvorčeskij akt = Consciousness and creative act. Moskva : Jazyki slavjanskij kul'tur, 2010. 592 s.
12. Kozlov V. V. Psihologija soznanija: integrativnyj podhod = Psychology of consciousness: integrative approach. Moskva : Psihoterapija, 2022. 520 s.
13. Lektorskij V. A. Vozmozhny li nauki o čeloveke? Are human sciences possible? // Voprosy filosofii. 2015. № 5. S. 3-15.
14. Loginova N. A. Teoretik psihologii Lev Markovič Vekker = Psychology theorist Lev Markovič Vekker // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija. 2019. Vyp. 1. S. 106-115.
15. Mazilov V. A. Psihologija v bor'be za sushhestvovanie = Psychology in the struggle for existence // Metodologija sovremennoj psihologii. Vyp. 13. Moskva ; Jaroslavl' : JarGU, LKIISI RAN, MAPN, 2021. S. 259-286.
16. Mazilov V. A. Biosocial'naja problema v kontekste metodologii psihologičeskoj nauki = Biosocial problem in the context of psychological science methodology // Psihologičeskij zhurnal. 2020. Tom 41. № 3. S. 122-130.
17. Mazilov V. A. O psihologičeskijh ponjatijah i metodologii psihologii = On psychological concepts and methodology of psychology // Voprosy psihologii. 2020. № 1. S. 71-83.
18. Mazilov V. A. Metodologija psihologičeskoj nauki: istorija i sovremennost' = Psychological science methodology: history and modernity. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. 419 s.
19. Mazilov V. A. Predmet psihologii = Subject of psychology : monografija. Jaroslavl': RIO JaGPU, 2020. 186 s.
20. Mazilov V. A. «Krepkaja citadel'»: professor V. V. Kozlov i ego novaja kniga o «central'noj psihologičeskoj tajne» = «Strong Citadel»: Professor

Reference list

1. Abul'hanova-Slavskaja K. A. Metodologičeskij aspekt problemy sub'ektivnogo = Methodological aspect of subjective problem // Metodologičeskie i teoretičeskie problemy psihologii. Moskva : Nauka, 1969. S. 317-347.
2. Asmolov A. G. «Vечnyj vopros psihologii: pomogaet li reshenie problem psihologii razreshat' «psihologičeskie problemy»?» = «The eternal question of psychology: does solving psychology's problems help to solve» psychological problems «?». 2019. URL: <https://psy.su/feed/7542/> (data obrashhenija: 20.04.2022).
3. Gekkel' Je. Mirovye zagadki = World mysteries. Moskva : Ogiz, 1937. 423 s.
4. Ginecinskij V. I. Predmet psihologii: didaktičeskij aspekt = Subject of psychology: didactic aspect. Moskva : Logos, 1994. 214 s.
5. Dzhejms U. Volja k vere = Will to believe. Moskva : Respublika, 1997. 431 s.
6. Dubrovskij D. I. Soznanie kak «zagadka» i «tajna»: k paradoksam «radikal'nogo kognitivizma» = Consciousness as a «riddle» and a «mystery»: to the

V. V. Kozlov and his new book about the «central psychological secret» // Kozlov V. V. Psihologija soznaniya: integrativnyj podhod. Moskva : Psihoterapija, 2022. S. 5-19.

21. Petrenko V. F. Mnogomernoe soznanie: psihosemantičeskaja paradigma = Multidimensional consciousness: a psychosemantic paradigm. Moskva : Novyj hronograf, 2009. 440 s.

22. Penfield U. Mozg. Tajny razuma = The brain. Mysteries of Reason. Moskva : AST, 2016. 256 s.

23. Trudy Jaroslavskego metodologičeskogo seminar = Proceedings of the Yaroslavl methodological seminar. Tom 2: Predmet psihologii / pod red. V. V. Novikova (gl. red.), I. N. Karickogo, V. V. Kozlova, V. A. Mazilova. Jaroslavl' : MAPN, 2004. 336 s.

24. Frit K. Mozg i duša: Kak nervnaja dejatel'nost' formiruet naš vnutrennij mir = Brain and soul: How nervous activity shapes our inner world. Moskva : Astrel': CORPUS, 2010. 335 s.

25. Shadrikov V. D. Vnutrennij mir čeloveka = The inner world of man. Moskva : Logos, 2006. 386 s.

26. Shadrikov V. D. Sposobnosti i odarennost' čeloveka = Human abilities and gifts. Moskva : Institut psihologii RAN, 2019. 274 s.

27. Shadrikov V. D. Obshhaja psihologija = General psychology : učebnik dlja akademičeskogo bakalavriata / V. D. Shadrikov, V. A. Mazilov. Moskva : Jurajt, 2015. 411 s.

28. Jebbingauz G. Očerki psihologii = An Essay on Psychology. Sankt-Peterburg : Izd-vo O. Bogdanovoj, 1911. S. 242.

29. Jurevich A. V. Psihologija v sovremennom obshhestve = Psychology in modern society // Psihologičeskij žurnal. 2008. № 6. T. 29. S. 5-14.

30. Jaroshevskij M. G. Istorija psihologii = History of psychology 3-e izd., dorab. Moskva : Mysl', 1985. 575 s.

31. Jaroshevskij M. G. Psihologija v XX stoletii: Teoretičeskie problemy razvitija psihologičeskoj nauki = Psychology in the twentieth century: Theoretical problems of the development of psychological science. Izd. 2-e, dop. Moskva : Politizdat, 1974. 447 s.

32. Jung K. G. Die Bedeutung von Konstitution und Vererbung für die Psychologie // Ges. Werke. Bd. 8. 1967. S. 418-423.

33. Schmidt F. L., Oh I.-S. The Crisis of Confidence in Research Findings in Psychology: Is Lack of Replication the Real Problem? Or Is It Something Else? // Archives of Scientific Psychology. 2016. 4. 32-37.

Статья поступила в редакцию 21.03.2022; одобрена после рецензирования 18.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.

The article was submitted on 21.03.2022; approved after reviewing 18.04.2022; accepted for publication on 28.04.2022.